

Е. А. Кочеткова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОМЫШЛЕННЫХ ЛЕСАХ СИБИРИ
СРЕДИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СССР В КОНЦЕ 1940-х — 1991 гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180

УДК 94(57)“1940/1991”:630

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

В статье анализируются представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов лесной отрасли в контексте колонизации восточных районов страны. Особое внимание уделено восприятию специалистами освоения лесных ресурсов Сибири, а именно их ожиданиям в отношении промышленного лесопользования и оценкам заготовок древесины. Работа основывается на анализе профессиональных публикаций о «старых» (в основном Северо-Западного и отчасти Уральского регионов) и «новых» (Сибирский регион) лесах в периодических изданиях и институциональных сборниках. Автор ставит вопрос о значении, которое советские специалисты придавали восточным лесам в контексте промышленного развития. В работе показано, что лесопромышленники во многом воспроизводили государственную риторику «целинных» земель, видя в новой колонизации возможности для решения проблемы лесоснабжения отрасли, которая обозначилась в исследуемый период. Освоение лесных ресурсов и лесопромышленное строительство с помощью новейших технологий были одними из наиболее важных задач, которые ставили специалисты начиная с конца 1940-х гг. Многие специалисты отрасли надеялись, что рубки в новых районах позволят начать новую страницу в освоении лесов, что означало применение рационального и комплексного подхода к лесозаготовкам и создание безотходной переработки древесины. Это должно было минимизировать риски и потери, характерные для лесозаготовки в старых промышленных районах. Однако нехватка финансирования и инфраструктурные трудности, в том числе осложненный доступ к лесным массивам, воспринимались специалистами как перенос «старых» проблем в «новые» районы. С течением времени энтузиазм конца 1940–1950-х гг. сменился беспокойством среди некоторых специалистов лесозаготовительной отрасли, которые критиковали практики промышленного лесопользования в новых районах.

Ключевые слова: *лес, лесозаготовки, Сибирь, колонизация, модернизация, освоение*

После войны среди специалистов лесной отрасли сложились два важных представления, отражающих специфику отношения к промышленным лесам Сибири в контексте колонизации восточных районов Советского Союза. С одной стороны, среди специалистов было распространено представление о том, что леса восточных районов страны являются национальным богатством, освоение которого поможет решить проблемы, связанные с быстрым сокращением запасов промышленной древесины на северо-западе страны. С другой стороны, продвижение в край «зеленого золота» оказалось более сложной задачей, чем ожидалось в начале колонизации во второй половине 1940-х гг.: в основном лесные мас-

сивы были удалены от развитой инфраструктуры, что существенно удорожало процесс их освоения. Специалисты, работавшие в системе министерских и других институтов, регулярно публиковали статьи в профессиональных лесных журналах. В данной работе на основе профессиональных статей и отчетов центральных периодических изданий и сборников будет рассмотрено, как менялись представления специалистов (ученых, лесозаготовителей и инженеров) о сибирских промышленных лесах в контексте эксплуатации природных ресурсов восточных районов СССР в 1940–1980-е гг. Проблема освоения природных ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока затрагивалась во многих работах, однако лесной сектор и история развития лесозаготовительной отрасли как в контексте колонизации восточных районов, так и в СССР в целом все еще содержит много лагун. В историографии советской лесной отрасли в основном исследуются такие вопросы, как промышленное строительство, региональное распределение мощностей лесной промышленности и система управления лесами, однако мало исследован

Кочеткова Елена Алексеевна — PhD, доцент, н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: ekochetkova@hse.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук № МК-2936.2021.2 «“Зеленая держава”: лесные ресурсы в структуре советской экономики в 1945–1991 гг.»

вопрос о советских лесах как о воображаемом пространстве.¹ Труды Б. Барра, С. Нильссона и А. Швиденко, Ф. Прайда, С. Брейна, И. Р. Шегельмана, О. И. Кулагина, Н. Савчук посвящены проблеме лесопользования и освоения, а также размещению и функционированию лесопромышленных предприятий в разных регионах СССР после войны.²

Образ лесоресурсного изобилия был широко распространен в СССР после войны. Практически во всех публикациях, посвященных советским лесам и лесной промышленности в целом, выпущенных в СССР, о лесных ресурсах писали как о национальном богатстве и достоянии советского народа.³ Часто подчеркивалось, что леса необъятны, что это живое, обновляющееся наследие, а размеры лесов отдельных регионов сравнивались с масштабами территорий других стран. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. леса в СССР составляли 34 % мировых запасов, включая 58 % мировых запасов хвойной древесины. В Восточной Сибири находилось около 3/5 запасов древесины страны.⁴

¹ См. подробнее: *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago, 2015.

² См.: Barr B. *Regional Variation in Soviet Pulp and Paper Production* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1971. Vol. 61, № 1. P. 45–64; Idem. *The Forest Sector of the Soviet Far East: A Review and Summary* // *Soviet Geography*. 1989. Vol. 30, № 4. P. 283–302; Barr B., Braden K. *The Disappearing Russian Forest: A Dilemma in Soviet Resource Management*. Lanham, 1988; Nilsson S., Shvidenko A. *The Russian Forest Sector: A Position Paper for the World Commission on Forests and Sustainable Development*. August, 1997. P. 6; Pryde P. *Conservation in the Soviet Union*. London, 1972; Brain S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, 2011. См. также работы о более раннем периоде: Bonhomme V. *Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929*. Boulder, CO, 2005; Moran D. *Lesniki and Leskhozy: Life and Work in Russia's Northern Forests* // *Environment and History*. 2004. Vol. 10, no. 1. P. 83–105; Татаринцов В. П. *Лесной комплекс: состояние и перспективы развития*. М., 1989; *Лесопромышленный комплекс: состояние, проблемы, перспективы*. М., 2000; *Лесостроительство*. Архангельск, 2003; Шегельман И. Р., Кулагин О. И. *О вкладе лесного сектора в экономику СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)* // *Научный журнал КубГАУ*. 2012. № 78 (04). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/43.pdf> (дата обращения: 30.06.2021); Савчук Н. *Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона: 1950–1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук*. Ангарск, 2007; Пушмин П. П. *Развитие лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности в Восточной Сибири в 1946–1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Иркутск, 2004; Тимошенко А. И. *Государственная политика формирования и закрепления наследия в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность*. Новосибирск, 2009; и др.

³ См.: Тимофеев Н. В. *Лесная индустрия в юбилейном году* // *Лесная промышленность*. 1970. № 4. С. 1.

⁴ См.: Jensen R., Shabad T., Wright A. *Soviet Natural Resources in the World Economy*. Chicago, 1983. P. 442; Kochetkova E. *In-*

При этом, однако, хотя руководство страны регулярно подчеркивало индустриальное значение лесов, лесная промышленность с самого начала оставалась, по выражению исследователей Б. Барра и К. Брендон, «бедным родственником» советской экономики.⁵ Эта отрасль, кроме отдельных направлений, таких как производство целлюлозы и бумаги, получала мало финансирования на протяжении всего периода. После войны многие специалисты писали о парадоксальной ситуации, сложившейся в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях, признавая кризис снабжения промышленности древесиной. Как подчеркивал Ю. Д. Абатуров, это был вызов, происходящий из неправильного представления о ресурсном богатстве, когда даже некоторые специалисты считали, что леса в СССР неисчерпаемы. Обусловленная этим неверным отношением длительная и хаотичная, как писали некоторые специалисты, эксплуатация лесов Северо-Запада привела к истощению ресурсной базы.⁶ На фоне, как многим казалось, необъятных лесов восточных районов кризис снабжения промышленных предприятий древесиной в европейской части страны выглядел реальной угрозой. Это подкреплялось прогнозированием ускоренной модернизации промышленности, вследствие чего все чаще стали говорить об угрозе исчезновения лесов из-за увеличивающейся нагрузки на природные ресурсы. Во многом это связывалось с темпами и достижениями научно-технического прогресса и расширявшегося промышленного производства. В послевоенный период древесины, особенно в связи с быстрым развитием лесохимии, использовалась в качестве базового материала для изготовления широкой линейки продукции, включая востребованную в космической отрасли специальную бумагу для записи спутниковых сигналов, также картон, одежду и другие изделия. Целлюлозно-бумажное производство было стратегически важным направлением: из целлюлозы производили военные товары, такие как порох и резина для авиации; в то же время в условиях развития массового потребления все более востребованными становились бумага, картон и

dustry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the mid-1950s to the 1960s // *Environment and History*. 2018. Vol. 24, № 3. P. 323–347.

⁵ См.: Barr B., Braden K. *Op. cit.* P. 231.

⁶ См.: Абатуров Ю. Д. *Лесные ресурсы СССР: состояние и охрана. Обзор на основе отчетов и диссертаций из фондов ВНИИЦ, а также публикаций за 1980–1985 гг.* М., 1985. С. 3.

строительные материалы.⁷ По этой причине в данный период как специалистами, так и чиновниками на разных уровнях многократно воспроизводилась идея о необходимости эффективного использования лесных ресурсов, главная цель которого заключалась в обеспечении постоянной ресурсной базы для производства. Создание такой базы подразумевало не только лесовосстановление, но и продвижение в восточные районы страны.

Ожидаемый рост промышленного и индивидуального потребления сырья поставил вопрос о поисках альтернативных решений проблемы сырьевой базы, связанной с длительными рубками в старых лесопромышленных районах страны. В этом смысле движение на Восток совпадало с политическими интересами: так, в 1956 г. на XX съезде КПСС констатировалась важность передислоцирования рубок к источникам сырья в Восточную Сибирь. Политическое решение, таким образом, подкреплялось представлениями ученых и промышленников, создавая консенсус по поводу необходимости продвижения в глубь «зеленой тайги». Действительно, ожидания перемен в объемах рубок привели к изменениям внутри лесозаготовительной отрасли. Например, в период между 1960 и 1970 гг. объем рубок в малооблесенных районах в европейской части РСФСР снизился на 17 млн куб. в год.⁸ В течение последующего десятилетия доля азиатской части страны в общем объеме рубок выросла на 6 %, соответственно, снизившись в европейской части. Таким образом, перемещение рубок в новые районы не означало интенсификации лесозаготовок в целом, но реализовывало принцип сообщающихся сосудов: уменьшение рубок в одной части страны — левее Урала — должно было привести к увеличению заготовок в другой части.

Идея освоения безграничных лесных пространств восточной части страны в промышленном масштабе не была новой: план развития лесной промышленности на 1921–1941 гг. предполагал, что основные мощности лесной промышленности должны были быть сконцентрированы не только на Севере, Северо-Западе и Урале, но и в Сибири и на Дальнем Вос-

токе. Тогда же было предложено использовать опыт Швеции и других стран по производству на одном предприятии бумаги, пиломатериалов и фанеры, то есть по созданию комплексных предприятий.⁹ Смысл этого предложения заключался в том, чтобы производить там, где непосредственно находились ресурсы, чтобы избежать затрат на транспортировку древесины. Частично эти устремления были реализованы в течение 1920–1930-х гг., когда был построен ряд крупных целлюлозно-бумажных предприятий вблизи источников ресурсов в северо-западной части страны, таких как Сясьский, Кондопожский, Вишерский, Балахнинский комбинаты, хотя в целом ресурсы восточнее Сибири все еще оставались своего рода неизведанной землей для производителей. В 1943 г. все леса кроме колхозных были разделены на несколько категорий, среди них были выделены леса общего экономического назначения, и в этом смысле восточные леса ожидали экономического освоения.¹⁰

Новый и более мощный виток интереса к сибирским и дальневосточным лесам появился в хрущевское время, и леса нового района должны были стать частью экономического развития страны. Характерен в этом отношении, например, язык детального описания ресурсов Западной Сибири — первого тома монографии по природным условиям и ресурсам в СССР, выпущенного Институтом географии АН СССР в 1963 г. В нем транслируется распространенное в то время утверждение о том, что «строительство коммунизма в нашей стране требует все более полного использования природных условий — учета и вовлечения в хозяйственный оборот всех естественных ресурсов».¹¹ Еще один пример — изданная в 1964 г. монография Т. К. Петрова, где говорится о том, что «успешное создание материально-технической базы коммунизма неразрывно связано с рациональным и активным вовлечением в хозяйственный оборот богатейших природных ресурсов нашей страны, в том числе наших лесов, раскинувшихся на необъятных просторах».¹² Тогда же в духе времени появилось выражение

⁷ Подробнее о разнообразии продуктов лесохимической промышленности см.: Куковеров М. А. Лесохимическая промышленность региона: вчера, сегодня, завтра // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2002. № 3 (18). С. 29–37.

⁸ См.: Судьев Н. Г. Лесным ресурсам — комплексное использование // Лесная промышленность. 1973. № 5. С. 2.

⁹ См.: Eronen J. Soviet Pulp and Paper Industry: Factors Explaining Its Areal Expansion // *Silva Fennica*. 1982. Vol. 16, № 3. P. 269.

¹⁰ См.: Lamer M. Growth, Output and Input of Soviet Timber // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1957. Bd. 78. P. 306.

¹¹ Западная Сибирь: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1963. С. 5.

¹² Петров Т. К. Лес и его значение для народного хозяйства СССР. М., 1964. С. 3.

«лесная целина», которое часто использовали в публикациях в профессиональных журналах. Сибирь, в частности, представлялась как неизведанная зеленая земля, куда отправляли лесоустроителей, представлявших лесными разведчиками. Если до войны было известно всего 49 % всех лесов,¹³ то к концу 1950-х гг. на лесной карте СССР уже не оставалось «белых пятен»: практически все леса были «приведены в известность».¹⁴ Например, с 1940-х гг. работала Московская экспедиция Центрального аэрофотоустроительного треста Всесоюзного объединения «Леспроект» — особенно тщательно они обследовали обширные территории Прибайкалья, где был распространен сибирский шелкопряд, с которым боролись несколько десятилетий.

В то же время это было не просто экстенсивное колониальное движение: многие специалисты рассчитывали, что интенсификация рубок за Уралом должна была быть организована иначе, нежели в традиционном промышленном регионе в предыдущие десятилетия. Продвижение на восток, таким образом, должно было открыть чистый лист в практиках промышленных рубок с тем, чтобы прекратить захламление лесов и, как указывали специалисты, нерациональное использование отходов лесозаготовки и лесопиления.¹⁵ Леса восточных районов страны, таким образом, должны были выполнять функцию служения народу, что, говоря языком эпохи, было необходимо для успешного «движения к коммунизму» и создания материальной базы для этого.

Во многих профессиональных публикациях отмечалось, что долгие и неупорядоченные рубки лесов европейской части страны в ходе их длительной эксплуатации велись без учета принципа непрерывности и неистощительности лесопользования, при этом вырубались лучшие еловые древостои вблизи транспортных магистралей.¹⁶ Это привело к «резкому сокращению доступных запасов спелой еловой древесины в сырьевых базах». В результате некоторые целлюлозно-бумажные предприятия, потребляющие еловую древесину, были вы-

нуждены работать на привозном сырье.¹⁷ Как указывали В. Малкин и М. Ожегов в 1959 г., «грустно смотреть на лысеющие отроги Уральского хребта. Грустно потому, что еще совсем недавно они были покрыты замечательным хвойным лесом. <...> Сегодня в Свердловской области накопилось уже свыше 600 тысяч гектаров необлесившихся вырубок».¹⁸ Из-за того, что леса вокруг некоторых лесозаготовительных предприятий, расположенных в европейско-уральской зоне, заметно истощились, срок деятельности ряда леспромпхозов резко сократился, а часть из них пришлось передислоцировать. В среднем в 1970–1980-е гг. их срок работы составлял всего 10 лет, а в некоторых леспромпхозах только 3,5 года.¹⁹ На фоне таких настроений и оценок запасов древесины в восточных районах страны следовало создать новые условия для неистощительного лесопользования и устойчивой лесной инфраструктуры. Некоторые писали о том, что лесных запасов в Западной и Восточной Сибири должно было хватить на несколько десятилетий вперед, и за это время было возможно создать центры для устойчивого развития отрасли на востоке страны.²⁰

Новая технологическая колонизация Сибири и последующий поворот к нефте- и газодобыче, а также продолжавшееся строительство БАМа стали для многих лесозаготовителей сигналом об открывающихся возможностях разрешения технологического аспекта «древесного кризиса». Лесозаготовки в труднодоступных районах требовали огромных капиталовложений, однако возможность присоединиться к другим проектам в контексте комплексного использования лесных ресурсов виделась многим важной задачей для разрешения кризиса лесозаготовок. Так, лесозаготовки осуществлялись в местах железнодорожного строительства, и многие работники отрасли поддерживали эти проекты.²¹ В освоение новых территорий вовлекали многие отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, в том числе Институт леса и древесины им. В. Н. Сукачева Сибирского отделения

¹³ См.: Lamer M. Op. cit. P. 292.

¹⁴ См.: Лесное хозяйство СССР за 50 лет. М., 1967. В этих целях в Государственном комитете СССР по лесу было создано специальное учреждение — Всесоюзный научно-исследовательский центр «Лесные ресурсы СССР», где собиралась обширная информация о лесах страны.

¹⁵ См. подробнее: Kochetkova E. Op. cit.

¹⁶ См.: Сычевский Г. Лесную отрасль новых районов — на современную основу // Лесная промышленность. 1971. № 9. С. 14.

¹⁷ См.: Абатуров Ю. Д. Указ. соч. С. 32.

¹⁸ Малкин В., Ожегов М. Такова наша технология // Мастер леса. 1959. № 11. С. 14.

¹⁹ См.: Абатуров Ю. Д. Указ. соч. С. 37.

²⁰ См.: Крылов Г. В., Холькин Ю. И. Вопросы химической переработки лиственной древесины в Сибири // Лесная промышленность. 1964. № 10. С. 20.

²¹ См.: Якунин А. Г. Освоение зоны БАМа — важная хозяйственная задача // Лесная промышленность. 1982. № 4. С. 4.

АН СССР, Союзгипролесхоз, Гипролестранс (комитет по лесной и деревообрабатывающей промышленности), Гипробум (институт по планированию предприятий бумажной промышленности) и др. Также значимым для освоения новых территорий было развитие дорожного строительства, поскольку железные и автомобильные дороги были одним из современных способов вывоза леса. Другим способом транспортировки заготовленной древесины были реки, также в избытке доступные в новых районах.²²

К 1970-м гг., однако, вера в возможность открытия новой страницы сменилась разочарованием, которое прежде всего связывалось с медлительностью и трудностями в продвижении на восток. Как писали некоторые специалисты, несмотря на принятые решения, продвижение в лесоизбыточные районы востока страны происходило крайне низкими темпами. Причины такой медлительности они видели в стоимости строительства: так, по их подсчетам, строительство новых предприятий было существенно более дорогим, чем реконструкция уже существующих.²³ В целом в профессиональной литературе частыми были жалобы на то, что в новых районах недостаточно использовались мощности, а леса были низкопродуктивными в промышленном отношении. Как правило, в таких работах указывались типичные общие проблемы «старых» и «новых» лесов уже в конце 1950-х гг.: естественное старение лесов, высокая заболоченность, длительные разрывы в некоторых типах леса таежной зоны между рубкой и возобновлением, потери от пожаров, насекомых и грибных заболеваний.²⁴ Одним из серьезных пунктов критики было, по мнению некоторых специалистов, отсутствие рациональных расчетов в вопросах переработки заготовленной древесины. Так, как указывали специалисты Института по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности Сибири и Дальнего Востока в конце 1960-х гг., «объемы переработанного сырья по каждому предприятию до последнего времени устанавливались

практически волевым порядком, без должного научного обоснования».²⁵

Некоторые специалисты подчеркивали, что важно было не просто строить новые деревоперерабатывающие предприятия, но сфокусироваться на лесозаготовке, поскольку, как говорил академик А. С. Исаев, задача размещения новых производств в удаленных районах была «не под силу нашей экономике».²⁶ Это было признанием приоритета колонизационной практики, обусловленным нехваткой огромного количества природных ресурсов, которого требовало освоение новых районов. В то же время эти тревожные взгляды сосуществовали с официальной позицией, согласно которой Сибирь, как и Дальний Восток, представляла собой «будущее отрасли».²⁷ Это подкреплялось строительством лесопромышленных комплексов, таких как Усть-Илимский ЛПК, и лесодобычей в рамках развития Братского промышленного комплекса. ЛПК были частью территориально-промышленных комплексов, основанных на принципе комплексного, то есть безотходного и территориально компактного использования ресурсов. Помимо этого, в рассматриваемый период были построены Байкальский, Селенгинский, Красноярский, Братский и Усть-Илимский целлюлозно-бумажные комбинаты. В целом до конца советской эпохи 70 % производства пиломатериалов, 3/4 производства целлюлозы и около 90 % бумажной продукции производилось в европейской части страны и, в меньшей степени, в Сибири.²⁸ В целом, как отмечалось в Государственном комитете по науке и технике в 1984 г., в это время механизация и использование лесозаготовительной техники существенно отставали от темпов лесозаготовок.²⁹

К концу советской эпохи, несмотря на низкую промышленную продуктивность, вырубки стали заметными не только в традиционно и длительно эксплуатировавшемся Северо-Западном регионе, но и в новых освоенных районах в Сибири. Масштаб вырубок

²² См.: Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI в.). Петрозаводск, 2008. С. 95. На лесосплаве было занято колоссальное количество людей — в среднем в рассматриваемый период около 160 тыс. человек, а в весенний период — до 240–250 тыс.

²³ См.: Чилимов А., Цехмистренко А. Интенсифицировать лесохозяйственное производство // Лесная промышленность. 1971. № 2. С. 16.

²⁴ См.: Букштынов А. Д. Лесные ресурсы СССР и мира. М., 1959. С. 14, 15.

²⁵ Заместителю председателя НТС Минлесбумпрома СССР М. П. Сердюкову, 8 декабря 1967 г. // РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2022. Л. 24.

²⁶ Общее собрание АН СССР. Выступление академика А. С. Исаева. URL: <http://www.bioecology.ru/tags/predsedatel-goskomiteta-sssr-po-lesu-akademik-a-s-isaev/> (дата обращения: 11.07.2021).

²⁷ Тимофеев Н. В. Освоение лесных богатств. М., 1979. С. 5.

²⁸ См.: Nilsson S., Shvidenko A. Op. cit. P. 28.

²⁹ См.: Протокол межведомственных совещаний в ГКНТ о развитии лесопромышленного комплекса, 1984 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 1583. Л. 177.

существенно превышал масштаб лесоустроительных мероприятий и, наряду с другими проблемами, в отдельных местах приводил к проблемам уровня экологической катастрофы. При этом в источниках подчеркивалось, что создание инфраструктур, необходимых для продвижения в труднодоступные районы, было крайне дорого и требовало больших человеческих ресурсов.³⁰ Помимо вырубок, опережавших лесоустройство, проблемы создавали лесные пожары, уничтожавшие огромные лесные пространства. Так, «с 1950 по 1956 г. на территории лесов Западной Сибири (без Тюменской области) только в лесах госфонда пожары охватили площадь в несколько сот тысяч гектаров».³¹ Причиной частых и масштабных пожаров был высокий процент захламленности лесов, являвшейся также традиционной проблемой и в других регионах.³² Из-за сложных климатических условий, низкой квалификации рабочих, неправильной транспортировки и нехватки оборудования большое количество древесины, в основном неликвидной, оставалось в лесах.³³ Также проблема уничтожения лесов пожарами оставалась актуальной на протяжении всего советского периода и в дальнейшем. Так, как писал сотрудник Гослесхоза в 1986 г., «лесные пожары ежегодно наносят стране ущерб в сотни миллиардов рублей: гибнут сотни тысяч гектаров леса, огромные потери испытывает

охотничье хозяйство, загрязняются атмосфера и водоемы. Острота проблемы пока не снижается, а по ряду районов в связи с освоением их территории, возрастает».³⁴ Несмотря на хорошо развитую аэрофотосъемку и продвижение в восточные регионы страны, а также приведение почти всех лесов в известность, даже к концу советской эпохи почти 40 % лесов не были охвачены мониторингом.³⁵

Таким образом, несмотря на активное промышленное строительство в Сибири, некоторые специалисты характеризовали опыт «лесной колонизации» разочарованием, поскольку их ожидания второй половины 1940–1950-х гг. не оправдались. Образ сибирских лесов как территории бесконечного богатства во многом был причиной того, что многие специалисты поддерживали продвижение на восток. Леса Сибири должны были решить традиционные для европейской части проблемы перерубов и стать площадкой для более эффективной и продуктивной лесной промышленности. К концу советской эпохи, однако, произошло переосмысление этих представлений: многие специалисты отмечали, что виды и особенности восточных лесов, а также перенос практик лесозаготовок в новые районы почти без изменений не позволили выполнить поставленные задачи. Это показывает неоднозначность процесса «лесной колонизации» в призме представлений специалистов.

Elena A. Kochetkova

PhD in Social History, HSE University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: ekochetkova@hse.ru

NOTIONS OF SIBERIA'S INDUSTRIAL FORESTS AMONG SPECIALISTS IN THE SOVIET UNION, LATE 1940s–1991

This article examines the notions of Siberia's industrial forests among Soviet specialists in the context of colonization of Eastern regions of the USSR from the late 1940s to the late 1980s. It pays a particular attention to how specialists perceived forests of Eastern virgin lands and what were their expectations about industrial forest exploitation and wood harvesting. The analysis is based upon professional publications about the tension between so called “old” (mainly North-West and the Urals) and “new” (the Siberian region) forests. The author raises the question of the meaning that Soviet specialists placed on the newly colonized forests within the industrial development. The article demonstrates that foresters replicated the state rhetoric about “virgin” lands seeing the new technologies of colonization as a possibility for solving the problem of resource supply in the industry which became visible in the period under study. The development of forest resources and timber industry construction with

³⁰ См.: Материалы к заседанию Научно-технического совета по вопросу «Исходные данные для проектирования лесопромышленных комплексов» от 7 февраля 1968 г. // РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2022. Л. 8.

³¹ Таланцев Н. К. Пути улучшения охраны лесов Западной Сибири от пожаров // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 1959. № 2. С. 65.

³² См.: Kochetkova E. Op. cit.

³³ См.: Lamer M. Op. cit. P. 295.

³⁴ Николаенко В. Т. Защитное лесоразведение и охрана окружающей среды. М., 1986. Вып. 2. С. 81.

³⁵ См.: Nilsson S., Shvidenko A. Op. cit. С. 9.

the help of the latest technologies have been among the most important tasks set by specialists since the late 1940s. Many specialists hoped to start a new page in forest exploitation via the rational and complex, as they called it, approach to wood harvesting and processing. This was to minimize the risks and losses associated with forest exploitation in old industrial areas. However, the lack of funding and infrastructural impediments including difficult access to new forest reserves complicated the colonization drive and was perceived by specialists as a transfer of old problems (problems typical for the 'old' forests) to 'new' regions. In the course of colonization during the period between the late 1940s and 1980s professional enthusiasm of earlier decades changed to disappointment about the practice of forest colonization in the Soviet Eastern lands.

Keywords: *forest, wood harvesting, Siberia, colonization, modernization, development*

REFERENCES

- Abaturov Yu. D. *Lesnyye resursy SSSR: sostoyaniye i okhrana. Obzor na osnove otchetov i dissertatsiy iz fondov VNTITs, a takzhe publikatsiy za 1980–1985 gg.* [Forest resources of the USSR: state and protection. Review based on reports and dissertations from the VNTIC collections, as well as publications of 1980–1985]. Moscow: VNTITsentr Publ., 1985. (in Russ.).
- Barr B. Regional Variation in Soviet Pulp and Paper Production. *Annals of the Association of American Geographers*, 1971, vol. 61, no. 1, pp. 45–64. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1971.tb00764.x (in English).
- Barr B. The Forest Sector of the Soviet Far East: A Review and Summary. *Soviet Geography*, 1989, vol. 30, no. 4, pp. 283–302. DOI: 10.1080/00385417.1989.10640778 (in English).
- Barr B., Braden K. *The Disappearing Russian Forest: A Dilemma in Soviet Resource Management*. Totowa, N. J.: Rowman and Littlefield, 1988. (in English).
- Bonhomme B. *Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929*. Boulder, CO: East European Monographs, 2005. (in English).
- Brain S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2011. (in English).
- Bukshtynov A. D. *Lesnyye resursy SSSR i mira* [Forest resources of the USSR and the world]. Moscow: Izdvo MSKh SSSR Publ., 1959. (in Russ.).
- Chilimov A., Tsekhmistrenko A. [Intensify forestry production]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1971, no. 2, p. 16. (in Russ.).
- Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. (in English).
- Eronen J. Soviet Pulp and Paper Industry: Factors Explaining Its Areal Expansion. *Silva Fennica*, 1982, vol. 16, no. 3, pp. 267–285. (in English).
- Jensen R., Shabad T., Wright A. *Soviet Natural Resources in the World Economy*. Chicago: University of Chicago Press, 1983. (in English).
- Kochetkova E. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the mid-1950s to the 1960s. *Environment and History*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 323–347. DOI: 10.3197/096734018X15137949591972 (in English).
- Krylov G. V., Kholkin Yu. I. [Issues of chemical processing of deciduous wood in Siberia]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1964, no. 10, pp. 18–20. (in Russ.).
- Kukoverov M. A. [Timber industry of the region: yesterday, today, tomorrow]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast], 2002, no. 3 (18), pp. 29–37. (in Russ.).
- Lamer M. Growth, Output and Input of Soviet Timber. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1957, Bd. 78, pp. 291–319. (in English).
- Lesnoye khozyaystvo SSSR za 50 let* [Forestry of the USSR for 50 years]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1967. (in Russ.).
- Lesopromyshlennyy kompleks: sostoyaniye, problemy, perspektivy* [Timber industry complex: state, problems, prospects]. Moscow: MGUL Publ., 2000. (in Russ.).
- Lesoustroystvo* [Forest management]. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 2003. (in Russ.).

- Malkin V., Ozhegov M. [This is our technology]. *Master lesa* [Master of the forest], 1959, no. 11, p. 14. (in Russ.).
- Moran D. Lesniki and Leskhozy: Life and Work in Russia's Northern Forests. *Environment and History*, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 83–105. DOI: 10.3197/096734004772444423 (in English).
- Nikolaenko V. T. *Zashchitnoye lesorazvedeniye i okhrana okruzhayushchey sredy* [Protective afforestation and environmental protection]. Moscow: TsBNTI Gosleskhoza SSSR Publ., 1986, iss. 2. (in Russ.).
- Nilsson S., Shvidenko A. The Russian Forest Sector: A Position Paper for the World Commission on Forests and Sustainable Development. Available at: https://www.researchgate.net/publication/255620176_Is_Sustainable_Development_of_the_Russian_Forest_Sector_Possible (accessed: 30.06.2021). (in English).
- Petrov T. K. *Les i yego znacheniye dlya narodnogo khozyaystva SSSR* [Forest and its significance for the national economy of the USSR]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1964. (in Russ.).
- Pryde P. Conservation in the Soviet Union. London: Cambridge University Press, 1972. (in English).
- Pushmin P. P. *Razvitiye lesozagotovitel'noy i derevoobrabatvayushchey otrasley promyshlennosti v Vostochnoy Sibiri v 1946–1985 gg.: Avtoref. kand. diss.* [The development of logging and timber industries in Eastern Siberia in 1946–1985: Abst. Diss. Cand.]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2004. (in Russ.).
- Savchuk N. V. *Sotsial'no-ekologicheskiye problemy khozyaystvennogo osvoyeniya Angaro-Eniseyskogo regiona: 1950-ye – 1991 gg.: Doct. Diss.* [Socio-ecological problems of economic development of the Angara-Yenisei region: 1950s – 1991: Diss. Doct.]. Angarsk: Angarskaya gosudarstvennaya tekhnicheskaya akademiya, 2007. (in Russ.).
- Shegelman I. R. *Lesnyye transformatsii (XV–XXI v.)* [Forest transformations (15th–21st century)]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. (in Russ.).
- Shegelman I. R., Kulagin O. I. [About the contribution of timber industry to the USSR economy during the period of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2012, no. 78 (04). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/43.pdf> (accessed: 30.06.2021). (in Russ.).
- Sudiev N. G. [Forest resources — complex use]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1973, no. 5, pp. 2, 3, 6. (in Russ.).
- Sychevsky G. [Timber industry of new areas — on a modern basis]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1971, no. 9, p. 14. (in Russ.).
- Talantsev N. K. [Ways to improve the protection of forests in Western Siberia from fires]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Lesnoy zhurnal* [Russian Forestry Journal], 1959, no. 2, p. 65. (in Russ.).
- Tatarinov V. P. *Lesnoy kompleks: sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Forest complex: state and development prospects]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1989. (in Russ.).
- Timofeev N. V. [Forest industry in the anniversary year]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1970, no. 4, pp. 1–5. (in Russ.).
- Timofeev N. V. *Osvoyeniye lesnykh bogatstv* [Development of forest resources]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1979. (in Russ.).
- Timoshenko A. I. *Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naslediya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoyeniya Sibiri v 1950–1980-ye gg.: plany i real'nost'* [State policy for the formation and consolidation of heritage in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950s–1980s: plans and reality]. Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2009. (in Russ.).
- Yakunin A. G. [The development of the BAM zone — an important economic task]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1982, no. 4, pp. 3–4. (in Russ.).
- Zapadnaya Sibir': Prirodnyye usloviya i yestestvennyye resursy SSSR* [Western Siberia: Natural conditions and natural resources of the USSR]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963. (in Russ.).

Для цитирования: Кочеткова Е. А. Представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов в СССР в конце 1940-х — 1991 гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 173–180. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180.

For citation: Kochetkova E. A. Notions of Siberia's Industrial Forests among specialists in the Soviet Union, late 1940s–1991 // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 173–180. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180.